

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Встреча

И СНОВА — «МОТОР»

Наш собеседник — народный артист СССР Анатолий Папанов

Анатолию Дмитриевичу Папанову на днях исполняется шестьдесят лет. Мы встретились с артистом накануне отпуска. Сидели в его небольшой примерной в Театре сатиры, где он трудится без малого тридцать пять лет.

Папанов устал. Только что дважды или трижды отыграл сцену из «Ревизора» (телевидение снимает на пленку этот спектакль) и теперь сидит, уронив голову на ладонь и о чем-то задумавшись.

Медленно поднимает голову и улыбается:

— Ну что, «мотор»?

— Мотор! — «командую» я. Начали.

— С чего начинать-то?

— С самого начала.

— О, как давно это, оказывается, было... В небольшом уездном городке Вязьме, что на Смоленщине. И река там Вязьмой называется. И известен мой родной город на Руси давно, с тринадцатого, кажется, века. А знаменит он тем, что в Отечественную войну 1812 года под ним русские войска нанесли поражение отступавшей наполеоновской армии. Да и в минувшую войну досталось незваным пришельцам в смоленских местах... Стоят в Вязьме — вот уже несколько веков — церковь Одигитрии да Троицкий собор. Неподалеку от этого собора и родился я шестьдесят лет назад...

Он вспоминает свое босоное детство, переезд в Москву, неожиданную встречу с Н. К. Крупской во дворе их дома, когда Надежда Константиновна с ребятами высаживала саженцы... Вспоминает, как играл в любительском коллективе ДК «Каучук», потом работа на 2-м ГПЗ, война... Бои под Харьковом, ранение, да не одно, а сразу три, мотание по госпиталям, демобилизация. Потом — ГИТИС и навсегда — театр...

С тех пор прошло сорок лет. Он стал поистине народным артистом. Сыграл свыше ста ролей. Из них больше половины в кино.

— Это о чем-то говорит, Анатолий Дмитриевич...

— О том, например, что сегодня я не могу разделить в своей жизни театр и кино. Это как одна семья. Как поделишь? Я действительно не могу сегодня назвать одно из этих искусств главным для себя, потому что и в театре, и в кино сыгранные роли одинаково дороги мне, обогатили мою актерскую практику. Как, например, назвать Бродского из спектакля «Интервенция» и не назвать генерала Серпилина из фильма «Живые и мертвые»?.. Или, скажем, назвать городничего и не назвать моего героя в фильме «Наш дом»? Роли, казалось бы, полюсные, но одинаково необходимые для постижения актером своей профессии.

— И все-таки всесоюзный зритель знает вас больше по кинематографу. Давайте вспомним, как вы пришли в кино.

Актер смеется:

— Давайте. Только начинайте вспоминать... вы. Ну ладно. В кино я пришел почти сорокалетним. Крохотную и бессловесную рольку адъютанта сыграл в фильме Александрова «Глинка». Это было в шестидесятом. А через год — неожиданное предложение Рязанова сыграть главную роль в комедии «Человек ниоткуда».

— Но «звездным часом» актера Папанова в кино стал фильм «Живые и мертвые», роль генерала Серпилина.

— Знаете, я одно лишь могу сказать спустя двадцать лет: не уходит и никогда не уйдет у меня чувство огромного волнения и нежности и к своему герою, и к тем замечательным людям, которые поверили в меня и дали возможность впервые в кино сыграть очень дорогого мне, бывшему фронтовику, человека...

— Анатолий Дмитриевич, сыгранные вами в театре и кино персонажи настолько разные и сыграны так достоверно, что теряешься в догадках, кто из них максимально удален от вас, а с кем из них вы почти совместились.

— Что такое совмещение? В переводе на наш актерский язык — понимание, постижение тайны того, кого играешь. Это прежде всего. Остальное зависит от творческих возможностей актера, его таланта, темперамента, его гражданской позиции и так далее.

— Одной из важных для себя ролей вы как-то назвали роль рабочего Иванова в фильме «Наш дом». Сейчас, пожалуй, как никогда раньше, выходит много фильмов о рабочем классе. Насколько, по-вашему, достоверно решается эта тема в кинематографе?

— Мне очень близка тема рабочего человека: в молодости я работал учеником токаря, а затем и токарем на 2-м ГПЗ, был по-человечески влюблен в своего заводского наставника старого мастера дядю Мишу, тихого, застенчивого, с огромной внутренней культурой... Вот что мне хочется сказать в связи с вашим вопросом. Конечно, хорошо, что появилось много фильмов о рабочем человеке. Но как порой неравнозначны эти фильмы, как часто мы идеализируем рабочего, показывая его эталим... полированным, что ли, несложным. Не роим глубоко, как говорится. Всего и проблем-то у него — дома что-то не ладится, на работе его не поняли, конфликты часто дутые, как мыльные пузыри. Я вот думаю: отчего такое происходит? Ведь рабочий, как, впрочем, человек любой профессии, — существо многосложное. И всегда был таким — десять, тридцать, пятьдесят лет назад. Мне кажется, что следует рассматривать фигуру современного рабочего не по формуле «производство — дом», но во всем комплексе той социальной, политической и культурной — просветительской информации, которую он получает сегодня. И с учетом того, что эта информация как-то укрупняет, усложняет его мысль, восприятие всего вокруг него в жизни происходящего.

— Сейчас много также говорят и пишут об образе молодого современного героя в кино и

театре. Не думаю, что ваши шестьдесят — повод не участвовать в этом разговоре...

— Это очень серьезный вопрос, он требует отдельного и большого разговора, а не краткого ответа в интервью. Мне трудно судить, насколько полно, полноценно разрабатывается тема молодого героя в нынешнем нашем кино, потому что я не имею возможности следить за всеми выходящими фильмами. В одном уверен совершенно: снимать такие фильмы должны люди неспокойные, у которых эта тема болит.

Понимаете, театр, кино, вообще искусство — это всегда выражение идеологии общества, его философии. Если хотите, стилия. Искусство кино, в частности, имеет огромное влияние на людей. Такой силой надо пользоваться умно. Когда речь заходит о молодом современнике, то на экране и на сцене надо, по-моему, показывать не только то лучшее, что уже есть, но и то лучшее, что должно быть. Когда Герасимов снимал «Комсомольск», он ведь не знал, что через сорок лет будет строиться БАМ. Сегодня я воспринимаю «Комсомольск» не как фильм о конкретном героическом прошлом нашей молодежи, но как призыв к тому, что, повторяю, должно быть в будущем, стать нормой этого будущего.

Мне кажется, что одна из задач искусства — это и есть призыв к лучшему, нравственная подготовка людей к будущему. Подготовка к более нравственной цивилизации, к высочайшему братству.

То, что вижу иногда на экране (я про молодых героев), вызывает у меня чувство недоумения. Показывают того, кого давно обогнали герои... тридцатых годов. Сегодняшние молодые люди много сложнее своих ровесников 30-х, 50-х, даже 70-х годов. К так называемым вечным проблемам молодых (любви, совести, например, хотя и эти-то проблемы не всегда интересно разрабатываются на сцене и экране) прибавилось много других. А это как раз и не учитывается.

Мне кажется, недостаточно серьезно и глубоко подходят режиссеры некоторых фильмов о молодежи к показу негативного в начинающем свою жизнь человеке — прагматизма, администрирования собственной судьбы, раннего отхода от собственных порывов, чувств. И даже если это и нетипично, все равно не может не настораживать.

— Анатолий Дмитриевич, вам исполняется шестьдесят. 40 лет назад вы выбрали свое будущее. Как вы думаете, оно состоялось?

— Ну, во-первых, не будем топтать события, я еще надеюсь поработать. А будущее, судьба? Какой актер может с уверенностью ответить на ваш вопрос?..

На сцене словно почувствовали, что наш разговор с актером подошел к концу, по местному радио послышалось:

— Анатолий Дмитриевич, ждем вас.

— Ну вот, — улыбаясь, сказал он, — и снова — «мотор»!

И артист пошел работать. У него трудная, но справедливо состоявшаяся судьба. И она продолжается...

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.